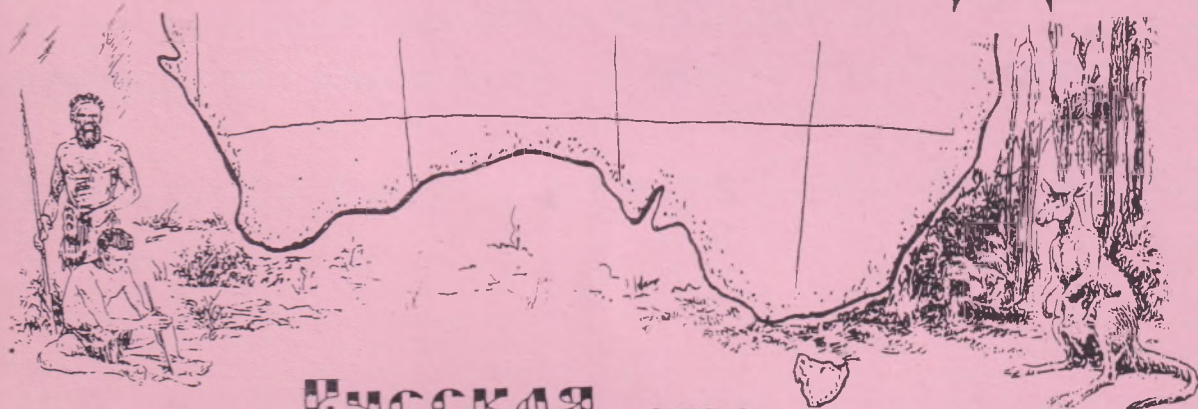

АВСТРАЛИАДА

Русская
ИСТОРИЯ

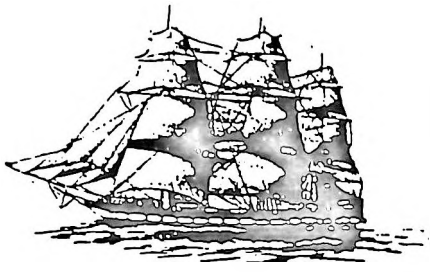
s.t.s "PALLADA"

СИДНЕЙ

1998 г.

Из ранней истории

Елена ГОВОР

ПАСХА В АВСТРАЛИИ

Из австралийских впечатлений Софии Витковской

Более ста лет тому назад, в апреле 1896 г., по шумным предпасхальным улицам Сиднея шла русская девушка с задумчивыми глазами и длинной светлой косой, София Витковская. С грустью она писала об этих днях: "Я стараюсь хорошо оценить необычность того, что, вот, я буду жить в Австралии, в Сиднее, что я Бог знает где, что теперь дома начинается весна, а здесь осень, что дома страстная неделя и вдоль утихнувших улиц несется торжественно-печальный колокольный звон, а здесь... здесь шумно и весело пестрят театральные афиши, ничто не напоминает о Святах Днях, никто, кажется, и не готовится к ясному, торжественному весеннему празднику. Между тем, в нынешнем 1896 году, день Святой Пасхи совпадает в обоих календарях—24 марта (5 апреля), что случается довольно редко...

Была Страстная Суббота, и живо представлялась нам торжественно тихая Святая Ночь на родине, а здесь, где не было ничего похожего на пост, не было ничего похожего и на праздник. Театры были открыты, и пестрые афиши приглашали в весело освещенные двери. Открыты были и некоторые магазины. На Джордж-стрите—обычное оживление, на других улицах—обычная пустота. Никакого религиозного чувства; над всем одно только тяготение к земному; и тяжело было у меня на душе, когда я в своей комнате вспоминала праздники дома, со всей их торжественно веселой обстановкой. Да, грустно быть в праздники на чужбине!

Кем же была эта русская девушка? Как она попала в Австралию? София Витковская причисляла себя к плеяде туристов - путешественников новой волны, отправляющихся в путь, по ее словам, "исключительно ради собственного удовольствия, без определенной цели, без плана, без подготовки". Тем не менее, в отличие от множества подобных туристов, она сумела написать замечательную книгу о своем путешествии, пожелтевшие страницы которой и сегодня, сто лет спустя, читаются с огромным интересом.

Будущая путешественница родилась в 1871 г. в Петербурге в большой дружной семье военного инженера генерал-майора Василия Ивановича Витковского. Двое старших братьев Софии, Константин и Николай, пошли по стопам отца и стали военными, третий, Василий, стал известным ученым - геодезистом и астрономом, профессором, автором многочисленных книг, в том числе автобиографических записок "Пережитое". София, младшая в семье, была всеобщей любимицей. Их отец был широко образованным человеком, страстным любителем музыки и сам неплохо играл на скрипке. Когда старшие мальчики подросли, он осуществил свою давнюю мечту - создал семейный квартет, затем на фортепиано стали играть и дочери. По четвергам часто устраивались музыкальные вечера, на которых бывали известные музыканты и композиторы, в том числе Антон Рубинштейн и Генрик Венявский. Кстати, Константин, совершивший путешествие вместе с Софией, несмотря на военную профессию, в зрелые годы стал незаурядным музыкантом.

София окончила с золотой медалью гимназию княгини Оболенской, одну из лучших в Петербурге, где она овладела несколькими иностранными языками, в особенности английским. Наряду с музыкой она увлекалась ваянием, живописью, театром. В ней рано выработалась способность иметь обо всем собственное мнение, в то же время в ее восприятии окружающего мира было много юношеской непосредственности и искренности. О ее образованности и уме можно судить хотя бы по тому факту, что она оказала существенную помощь своему брату Василию в обработке его книг "За океан" (о путешествии в Америку), "Практическая геодезия" и "Топография". Однако из скромности она отказалась, чтобы брат печатно высказал ей благодарность. Забегая вперед, скажем, что петербургские старожилы помнят еще дом-дачу в Лесном со странной надписью по фасаду "Геодезия". Здесь в 1904 г. поселился В.В.Витковский, и это место стало центром притяжения для многих его коллег и учеников. Бывала здесь и его любимая помощница София. В 1960-х годах дом был разрушен, однако до сих пор шумит аллея высоких тополей, посаженных Витковскими строго по направлению Пулковского меридиана - одно из последних мест старого Петербурга, которое еще помнит Софию Витковскую.

В 1895 г. безмятежная жизнь Софии нарушилась - один за другим умерли ее родители. Потеряв интерес к прежним занятиям, она тяжело переживала эту утрату. В этот момент и возник план путешествия в Австралию. В Петербург приехал ее старший брат Константин, служивший на Дальнем Востоке военным юристом. Он был заядлым путешественником - "изъездил Россию, исколесил Запад, познакомился с Востоком. Австралия давно привлекала его помыслы", - писала София. На этот раз он решил вернуться к месту своей службы через Австралию и уговорил сестру быть его спутницей. Никаких сложных формальностей в то время такая поездка не требовала - были бы деньги и желание, и после некоторого колебания София согласилась. Конечно, отправиться в такое дальнее и необыкновенное путешествие, "сдвинуться с привычного места" было трудно, но настроение ее определили слова И.А.Гончарова: "Жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями".

Итак, в 1896 г София совершила кругосветное путешествие, проведя в Австралии около месяца, и посетив Аделаиду, Мельбурн, Сидней, Голубые горы, остров Терсди (Четверга) и Дарвин. На протяжении всего путешествия София регулярно посылала своему брату Василию подробные письма-отчеты обо всем увиденном и пережитом. После возвращения домой по совету брата она решила на их основе подготовить

книгу о своем путешествии. Однако неудачный брак, а затем трагическая смерть в 1906 г. не дали ей возможности довести до конца свое намерение. Лишь в 1914 г. В.В. Витковский, разбирая архив сестры, обнаружил черновую рукопись ее путевых заметок. Выполняя свой последний долг перед сестрой, он подготовил ее книгу к печати. В 1915 г., когда в Европе уже разгорелась мировая война, а Россия вплотную приблизилась к грядущим социальным потрясениям, на прилавки книжных магазинов легла книга С.В. Витковской "Кругом земли. Путевые воспоминания", в которой все дышало безмятежностью последних лет XIX века.

"Если что-нибудь может вознаградить недостатки обстоятельства и другие недочеты моих воспоминаний, - писала в предисловии сама путешественница, - то разве их искренность и правдивость: я описывала только то, и именно то, что видела собственными глазами". Действительно, повествование юной путешественницы магически переносит нас в прошлую эпоху, позволяет ощутить ее аромат, увидеть во всех подробностях, на которые другие часто просто не обращали внимания.

"В морозный вечер 6-го января 1896 г. мы целой толпой вышли на подъезд и стали нанимать извозчиков. ... Большинство были провожающие, но двое, мой брат и я, ехали в Австралию. Не в Москву, не в Крым, нет, даже не в Париж. *В Австралию!*" - так, полная грядущей встречи с Австралией, начинает София свое повествование. Однако первое знакомство с австралийскими городами разочаровало Софию: "Вот мы и видели Аделаиду и имеем право сказать, что побывали в Австралии. Что же? Особенного ничего, город, как город и люди, как люди, только растительность

отчасти нова". Реальность не совпала с тем образом экзотичного, который был у Софии, и она одной из первых русских засвидетельствовала, что к концу XIX века Австралия трафаретов из школьных учебников, Австралия кенгуру, диких лесов, аборигенов и каторжников навсегда ушла в прошлое.

Перед ней была страна развитой западной цивилизации, в чем-то уже перегнавшая даже ее родину. С интересом описывает она такие новинки технического прогресса, как циклограмма и кинематограф Эдиссона, отмечает такое новое явление как пароходные гонки через Порт Джексон, размышляет о разнообразной рекламе, начавшей в тот период победное шествие по Австралии. Упомянутая остроумные находки, она описывает и образцы беззастенчивой рекламы, опоясывающей, например, религиозные темы. Обнаруживает она и проникновение первых вестников западной массовой культуры в Австралию: "и остроумием то ее снабжают европейские опекуны".

Отличительной чертой воспоминаний Софии Витковской является большое внимание, в отличие от других путешественников, к зарождающейся австралийской культуре. После посещения мельбурнских музеев и картинной галереи у Витковской сложилось впечатление, "будто молодой город ... хотел сказать: «и у нас, мол, [все] как у людей»". Отдавая должное роскошному зданию, в котором помещался Мельбурнский национальный музей, Витковская дает совершенно убийственную характеристику его художественному отделу. "Скульптуре отведен изящный, круглый зал. Посреди него красуется статуя Принца Альберта. ... Лишь немногие из статуй и бюстов выходят за пределы посредственности; первые повторяют классические темы в лице неуклюжих Венер и Диан, а вторые представляют изваяния Высоких Особ; Королева Виктория в молодости и других возрастах играет здесь главную роль". Еще более удручающее мнение сложилось у Витковской о картинной галерее. Однако Национальная галерея Нового Южного Уэльса заслужила более высокую оценку русской путешественницы, несмотря на то, что здание, в котором она тогда была расположена напоминало сарай. Здесь Витковская обнаружила наконец-то произведения самих австралийских художников; она отмечает их большой патриотизм, так как в их творчестве преобладали почти исключительно местные виды: сиднейские бухты, сцены стрижки овец, Голубые горы. Она отмечает у них наклонность к импрессионизму и выделяет любимую технику - акварель. В целом же у нее сложилось мнение, что австралийское искусство делает только первые шаги, а в картинных галереях преобладают полотна иностранных художников, в том числе Витковская отмечает несколько русских имен.

Тонкие ценители музыки, Витковские побывали и на нескольких концертах в Сиднее. Они восхищались звучанием великолепного органа в Городской Думе, но, в то время как "хор дивных, нежных, ... по истине, небесных" голосов органа вызвал у Софии "трепет восторга и ... невольные слезы", публика выражала свое одобрение весьма своеобразно: "хлопали мало, больше стучали, и стучали с ожесточением палками и зонтиками". Второй концерт в Думе разочаровал Витковских: "Концертанты «всемирно-известные», судя по афише, которая была даже украшена их портретами и отпечатана на розовой бумаге, обладали небольшими голосами и пели только посредственно. Был еще виолончелист, судя по фамилии, немец, но о нем лучше не говорить вовсе. Брат только жалел, что у него нет с собою виолончели, иначе он бы тотчас дал концерт, чтобы показать здесь как надо играть".

Полным разочарованием кончилось и посещение Витковскими благотворительного концерта в методистской церкви. Прежде всего Софию поразила сама церковь, которая "внутри не имела ничего, возбуждающего благоговение; на голых стенах висели только оборванные [листы] с изречениями из Священного Писания, напечатанные вычурными цветными буквами". Витковские, ожидая услышать духовную музыку, были шокированы, обнаружив, что вместо этого публику развлекают духовой оркестр с турецким барабаном и певцы-любители, исполнявшие "концертно-салонные вещи с обычными их выкрутасами".

Возмущенные "грубой развязностью такого отношения к храму" Витковские ушли, едва дождавшись конца первого отделения. "Передовые англичане еще много потеряли в моем представлении", - заключает София. В то же время строгое соблюдение австралийцами воскресенья вызвало у Витковской, как, впрочем, и у других русских, обвинения жителей Австралии в фарисействе и формализме. Ее негативизм объясняется обычным для чужестранцев стремлением мерить явления чужой жизни на свой аршин, ведь для русских храм это сакральное место, у протестантов же на первое место выдвигается его социальная функция.

..... Могла ли предвидеть София Витковская, что сто лет спустя тысячи русских, для которых Австралия станет их домом, принесут сюда с собой и свое самое сокровенное—духовность русской Пасхи. И в Пасхальную ночь десятки русских церквей затихнут в печали у Плащаницы, трепетные огоньки свечей загорятся под Южным крестом, и радостное, всепобеждающее "Христос воскрес!" вознесется к небесам над уснувшей Австралией.

Литература: С.В.Витковская, Кругом земли. Путевые воспоминания, СПб., 1915; В.В. Витковский, Пережитое, Вып. 1-3, Л., 1927-1930; В.М.Картушин, Василий Васильевич Витковский. Геодезист, ученый, педагог, М., 1956.

РУССКИЕ В КВИНСЛЕНДЕ

7. Русский Клуб.

В начале 1925 года состоялся первый русский вечер в Брисбене, устроенный только что приехавшими нашими соотечественниками. К тому времени в Брисбен прибыло уже значительное количество русских и можно было реально вести разговоры о разных общественных прозектах. В связи с этим вечером, о котором лишь вскользь упоминает А. А. Гзель в своем журнале *Чужбина* за ноябрь 1929 г., поднялся вопрос о создании Русского Клуба, где новоприезжие могли бы встречаться, проводить время вместе со своими соотечественниками [1].

В том же 1925 году была открыта библиотека-читальня на Stanley Street, Woolloongabba [1], очевидно в нанятом для этой цели помещении. Но долго она не просуществовала, закрывшись за неимением средств. Впоследствии библиотека открылась при Св.-Николаевской церкви (уже к концу 1926 года), в которой к 1930 году насчитывалось более 400 томов [1].

Согласно официальным документам, клуб был учрежден 13 февраля 1929 года, и зарегистрирован 26 июня 1929 года в соответствии с *Friendly Societies Act 1913-1924* [2]. Однако, по другим сведениям, клуб был основан ранее, в 1928 году, причем адрес клуба был указан в пригороде Kelvin Grove, где очевидно жил один из его учредителей [3]. Более ранняя дата основания клуба весьма вероятна, поскольку официальные документы не указывают нескольких лиц, безусловно состоявших в правлении клуба с самого начала. Однако, за отсутствием более ранних документов, вероятно следует считать 13 февраля 1929 года датой основания клуба.

Председателем клуба был избран А. А. Матренинский, человек зрелый и пользующийся уважением. Родом из Сретенска и по профессии фельдшер, Авраамий Алексеевич Матренинский (1879-1949) прибыл в Австралию со своей семьей в сентябре 1925 года. В сентябре 1927 года скончалась его жена, Параскева Степановна, 37-ми лет; семья очень нуждалась и овдовевшему А. А. пришлось не только находить средства на жизнь, но и воспитывать детей: двух дочерей 17-ти и 15-ти лет и сына 12-ти лет [4].

Секретарем клуба был избран Николай Осипович Федорович (1891-1946) [5], по профессии - кинооператор, прибывший в Австралию в 1911 году [6]. Это был один из «старожилов», активно включившихся в общественную жизнь новоприезжих.

По поводу открытия Русского Клуба, А. А. Гзель писал:

«Более трех лет мы носились с этой идеей, инициатива переходила от одной к другой группе и наконец только сейчас получила реальное осуществление. Расслоение русского общества на разные группировки стало одним из свойств эмигрантской жизни. Не обошлось без этого и в Брисбене. Если Русскому Клубу удастся объединить колонию только на почве культурных развлечений и здорового отдыха, то уж и в этом будет огромная заслуга клуба перед обществом. Впереди же у клуба много задач в области создания русской общности, но пока об этом говорить преждевременно, так как клуб еще в периоде организации» [7].

Очевидно для устранения разногласий в клубе, статья 3-я Устава клуба запрещала в его помещении разговоры политического или религиозного характера, которые могли бы послужить поводом для раздоров среди его членов. Цели клуба были вне-политические и вне-религиозные, но сугубо культурные и общественные [2].

Согласно регистрационному документу 26 июня 1929 года, членами-учредителями Русского Клуба были: А. А. Матренинский, В. М. Витошинский, И. Киборт, П. М. Смыков, И. И. Попов, В. П. Лешков, З. Витошинская и И. Г. Афанасьев. (Очевидно, это - уже второе правление со времени фактического